

БЕЛЛЕТРИЗАЦИЯ СЮЖЕТА АВТОБИОГРАФИИ В РУССКОЙ МЕМУАРИСТИКЕ XVIII ВЕКА

О.С. Рощина, О.А. Фарафонова

*Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск,
Россия; roschina67@mail.ru; oxana.faroks@yandex.ru*

Аннотация: В статье выявляются варианты изменений традиционной для автобиографического повествования сюжетной схемы. Мемуары XVIII века строятся по такому кумулятивному принципу, когда разнородные события (государственного масштаба, общественной и частной жизни самого мемуариста) описываются параллельно и в строгой временной последовательности. В отличие от предыдущей традиции мемуаротворчества Шаховской концептуализирует свою жизнь как движение от счастья к несчастью и ориентируется на кумулятивный сюжет авантюрного романа. Он описывает только служебную деятельность и выстраивает сюжет автобиографии как ряд серий, состоящих из структурно однородных микросюжетов или сюжетных положений. Счастье и несчастья сменяют друг друга как внутри серий микросюжетов, так и в самой последовательности серий (потеря покровителей — победы над противниками — победы противников — успехи на службе ее величества). В отличие от других автобиографий «Похождение прапорщика Климова» строится не по кумулятивной, а по циклической модели сюжета (вынужденное оставление отечества и семьи — несчастья на чужбине — возвращение). Семантической основой сюжета у Климова становятся темы жестокой судьбы и Божьей воли. Мемуары Шаховского и Климова, по сути, представляют собой два возможных варианта перенесения структуры сюжетов эпических жанров (кумулятивного сюжета авантюрного романа в одном случае, циклического сюжета притчи о блудном сыне и восходящих к нему древнерусских повестей в другом) в мемуарное повествование. Беллетризация сюжета автобиографии предопределяется наличием концептуального осмысления собственной жизненной истории у авторов, в отличие от большинства мемуаров XVIII века, где события просто фиксируются как хроника и не выстраиваются в семантически обусловленный сюжетный ряд.

Ключевые слова: мемуары XVIII века; кумулятивный сюжет; циклический сюжет; беллетризация; Я.П. Шаховской; А.Я. Климов

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-10

Для цитирования: Рощина О.С., Фарафонова О.А. Беллетризация сюжета автобиографии в русской мемуаристике XVIII века // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 4. С. 113–122.

AUTOBIOGRAPHIES BASED ON MODELS OF FICTION LITERATURE PLOTS IN RUSSIAN MEMOIRISTICS OF THE 18TH CENTURY

O.S. Roshchina, O.A. Farafonova

*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia; roschina67@mail.ru;
oxana.faroks@yandex.ru*

Abstract: The article identifies the alternative changes to the traditional plot pattern for autobiographical narration. Memoirs of the 18th century are based on the cumulative principle presuming that heterogeneous events (both nation-wide and those of public and private life of the memoirist himself) are described in parallel and in a strict chronological sequence. In contrast to the previous tradition of memoir-making, Shakhovskoy conceptualizes his life as moving from happiness to unhappiness and focuses on the cumulative plot of an adventure novel. He describes only official activity and builds up the plot of the autobiography as a number of series, consisting of structurally homogeneous microplots or plot situations. Happiness alternates with unhappiness both within the series of microplots and in the very sequence of the series (loss of patrons — victories over opponents — victories of opponents — success in the service of Her Majesty). Unlike other autobiographies, *The Adventures of Ensign Klimov* is based not on the cumulative but on the cyclic pattern of the plot (forced abandonment of the Fatherland and the family — suffering calamities in exile — return). The plot of Klimov's memoirs is semantically based on the story of cruel fate and God's will. The memoirs of Shakhovskoy and Klimov actually represent two possible options for transferring the plot structure of epic genres into memoir narration: specifically, the cumulative plot of an adventure novel in one case, and the cyclic one of the parable of the prodigal son and ancient Russian stories dating back to it in the other. The use of models of fiction literature plots is predetermined by the authors' conceptual understanding of their own life history, in contrast to most memoirs of the 18th century, where events are simply recorded as a chronicle and do not line up in a semantically determined plot series.

Keywords: memoirs of the 18th century; cumulative plot; cyclic plot; fictionalization; Ya.P. Shakhovskoy; A.Ya. Klimov

For citation: Roshchina O.S., Farafonova O.A. (2023) Autobiographies Based on Models of Fiction Literature Plots in Russian Memoiristics of the 18th Century. *Lo-monosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 113–122.

Исследователи отмечают разного рода процессы индивидуализации и усложнения оптики повествования в мемуаристике второй половины XVIII века [Елизаветина 1982; Приказчикова 2019; Рощина, Фарафонова 2020]. Необходимо добавить, что индивидуализация в мемуаротворчестве этого периода проявляется и на уровне сюжетосложения, что обнаруживается в изменениях традиционной для автобиографического повествования сюжетной схемы. Боль-

шинство русских мемуаров XVIII века строятся, как и хроники, по определенному кумулятивному принципу: фиксируются сколько-нибудь значимые, необычные или примечательные события в истории государства, в служебной деятельности мемуариста и в его внутрисемейной жизни, все эти события описываются параллельно и в строгой временной последовательности. Если в мифах, сказках и художественных текстах кумулятивный сюжет представляет собой «нанизывание» однородных событий и/или персонажей вплоть до катастрофы» [Тамарченко 2004: 204], то в мемуарных текстах XVIII века автобиографического характера сюжетная катастрофа отсутствует и по причине незавершенности жизни мемуариста, и в силу разнородности описываемых событий, не выстраивающихся в единый семантический ряд. Такой тип сюжета обнаруживается в автобиографических записках на протяжении всего XVIII века — в мемуарах Б.И. Куракина (1710), В.В. Головина (1733), Э. Миниха (1758), В.А. Нащокина (1759), М.В. Данилова (1771), И.И. Неплюева (1773) и др.

Иначе выстраивается кумулятивный сюжет в «Записках» (1772) Я.П. Шаховского (1705–1777). Большая часть описываемых Шаховским событий очевидным образом подвергается компоновке, и сюжет выстраивается уже не как последовательность разнородных событий, а как последовательность серий однотипных по своей структуре микросюжетов или серий повторяющихся сюжетных ситуаций (с небольшими вкраплениями не входящих в ту или иную серию событий). В первой части «Записок» можно выделить две такие серии микросюжетов. В первой серии четырежды воспроизводится модель обретения и потери покровителя: служба под началом дяди и его смерть; благосклонность и милости сначала А.П. Волынского, затем Бирона, впоследствии М.Г. Головкина, так же последовательно сменяющиеся их арестами. Такого рода перемены рефлексированы автором как игра судьбы и перемены от счастья к несчастью.

Вторая серия микросюжетов — побед над противниками — охватывает деятельность Шаховского на посту обер-прокурора Святейшего Синода и генерал-кригс-комиссара Военной коллегии и также выстраивается по общей для них структурной модели. Начальный эпизод этого микросюжета — описание исходной спорной ситуации, как-то: удержание жалования у членов Святейшего Синода; предложение членов Синода замять дело уличенного в прелюбодеянии архимандрита; заключение под стражу приехавшего с Афона архимандрита, показывающего частицы святых даров по домам, не представивши о них удостоверения в Синоде; борьба за снабжение армии сукном не английского, а российского производства; размещение

раненых в предназначенных к сносу помещениях дворцовой канцелярии. Следующее сюжетное положение в этой модели — ходатайства противников Шаховского перед императрицей о разрешении спорного дела к их выгоде и временная победа противников (удержание жалования у самого Шаховского почти на год; указания об освобождении заключенных под стражу архимандритов, перемещение раненых в дом самого Шаховского по повелению императрицы). Конечная ситуация — предоставленный судьбой случай «усчастливиться» доложить государыне истинное положение дел, что и завершается разрешением дела по представлению Шаховского. Некоторые элементы этой сюжетной модели могут варьироваться, например, в деле с поставкой сукна в армию сюжетная ситуация временной победы противников заменяется ситуацией временной слабости самого автора — размышлением, не принять ли взятку от английского поставщика Вульфа.

Сюжетная модель победы над противником с некоторыми вариациями представлена в нескольких микросюжетах и во второй части «Записок». Первые пять микросюжетов описывают противостояние Шаховского, исполняющего должность генерал-прокурора в Сенате и конференц-министра, с графом Петром Ивановичем Шуваловым по разным поводам: Шаховской требует предоставить ведомости о наличных деньгах из монетной конторы и из экспедиции по переделу медных денег, находящихся под дирекцией П.И. Шувалова; отказывает некоему дворянину в выдаче из ведомства Шувалова займа под проценты; отказывает в выплате двойного жалованья полковнику, устроившемуся в контору переделывания медных денег; в частной встрече перед лицом Ивана Ивановича Шувалова, фаворита Елизаветы Петровны, по нескольким пунктам уличает Петра Ивановича в извлечении собственной выгоды и нанесении убытка казне; в отличие от других сенаторов отказывается утверждать проект переделки новых медных денег в еще более легкие, представленный П.И. Шуваловым. В отличие от предыдущей серии микросюжетов о победах над противниками, в серии микросюжетов о победах над П.И. Шуваловым отсутствует сюжетная ситуация временной победы противника. Но это звено вновь восстанавливается в следующем микросюжете об отказе Шаховского дать согласие по просьбе французского двора на временное перемирие в военных действиях с прусским королем. В итоге такой указ отправляется для русского посланника при французском дворе, но впоследствии выясняется, что позиция Шаховского в этом вопросе была сходной с мнением императрицы.

Далее следует серия из нескольких микросюжетов о победе противников над Шаховским в последнее время правления Елизаветы

Петровны, когда он уже не может получить доступ к императрице. Модель этих микросюжетов состоит только из двух сюжетных ситуаций: спорного дела и решения его в пользу противников. В двух случаях Шаховской отказывается подписывать указы Сената, созданные на основе устных указаний императрицы, переданных через третьих лиц (указы издаются без его подписи), также описывает, как новый генерал-кригс-комиссар Глебов изменяет ранее заведенный Шаховским порядок перевода средств для действующей за границей армии. К этой серии структурно и семантически примыкает описание того, как приближенные Петра Федоровича высылают сенаторов Шаховского и Неплюева из внутренних покоев дворца в преддверии кануна кончины Елизаветы Петровны.

Последние события в «Записках» Шаховского представляют собой перечисление его успешных дел уже при Екатерине II и выстраиваются в серию сюжетных ситуаций, которые, по сути, восполняют недостающее в предыдущей серии микросюжетов (побед противников) звено побед над противниками. Описываются обнаружение сочиненного на основании заключений Шаховского манифеста императрицы о получении в казну доходов с духовных вотчин, проведенные по его инициативе в Ярославле осмотр амуниции в армейских полках и ревизии воеводских и магистратских канцелярий во время возвращения в свите императрицы с коронации. Также Шаховской сообщает, что менее чем за год он по поручению императрицы составил новые инструкции для коллежских, губернских и воеводских канцелярий.

Изменение кумулятивной структуры автобиографического сюжета обуславливается тем, что описываемые ситуации выстраиваются не столько по хронологическому, сколько по семантическому принципу, образуя серии чередующихся счастливых и несчастных для автора событий. Этот принцип обозначается и в конце текста: «я <...> научен был не забывать и помнить, что от счастья к несчастью один шаг бывает» [Шаховской 1998: 176]. Перемены сюжетных положений от счастья к несчастью и кумулятивная структура сюжета с благополучным исходом сюжетной катастрофы являются конститутивным элементом авантюрного романа. Шаховской обнаруживает знакомство по крайней мере с одним популярным образцом этого жанра — «Путешествием Телемака» Фенелона и в построении сюжета своих «Записок», очевидно, ориентируется на него. Подобно тому, как разные серии приключений Телемака и Ментора со счастливым избавлением от всевозможных опасностей разворачиваются в новых топосах, серии счастливых и несчастных событий в жизни Шаховского происходят в новых должностях или социальных статусах. У Шаховского концептуализация своей жиз-

ни как движения от счастливых событий к несчастливым репрезентируется в сюжете посредством своеобразной двойной кумуляции. Счастье и несчастья сменяют друг друга внутри каждой серии событий, за исключением только серии побед над П.И. Шуваловым и последней серии, состоящей не из микросюжетов, а из сюжетных положений. Смена счастливых и несчастливых ситуаций также прослеживается и в самой последовательности серий: потеря покровителей — победы над противниками — победы противников — успехи на службе ее величества. Таким образом, в случае Шаховского можно говорить о перенесении романной кумулятивной структуры сюжета в автобиографическую прозу.

Подобно «Запискам» Шаховского, «Похождение прапорщика Климова», выделяется манерой повествования и самой структурой сюжета на фоне многих мемуарных текстов XVIII века. Текст «Похождения» разделяется на две условные и неравные части — до пленения и после. Повествование «до» построено по традиционной для мемуаристики кумулятивной сюжетной схеме — «достопамятные события» нанизываются на канву автобиографии: рассказ о своем происхождении и родителях, несколько эпизодов из детства до зачисления на службу в тринадцатилетнем возрасте, смерть матери, описание довольно счастливой истории службы в Ростовском драгунском полку, счастливая история любви и женитьбы, отправка полка в Пруссию.

Большая часть текста «Похождения» посвящена описанию «несчастной судьбы» героя-мемуариста после того, как он оказался в прусском плену. Изложенная Климовым «бедного странствия трагедия» разворачивается согласно трехчленной циклической сюжетной схеме: потеря — поиск — обретение/возвращение. Жизнь в плену описывается как пребывание в ином мире — мире страданий, опасности и смерти. В повествовании Климова присутствует и такой «типичный для циклического сюжета» элемент, как «пересечение топологической границы между двумя мирами» [Бройтман 2004: 79]. С героем-мемуаристом это происходит дважды. Первый раз — когда после пленения он оказывается в Пруссии, второй раз — когда, возвращаясь на родину, он снова пересекает границу России. Образующаяся таким образом симметрия сюжета подкреплена и сменой статуса героя, переживающего своего рода умирание и рождение при переходе границы между своим и чужим пространством. Так, Климов сообщает, что, оказавшись в плену, он и его собратья по несчастью «не хотели изменить России. <...> фальшивым предложением при размене [пленных] показаны мы были все умершими. <...> мы бедные, принуждены были остаться в Пруссии» [Похождение прапорщика Климова 2011: 42–45]. Все долгое

пребывание в плену и подневольная служба в прусской армии связаны с постоянным «переживанием» смерти. Климов описывает череду несчастных происшествий, свидетелем или невольным виновником которых становится он сам, и своих скитаний: жестокое убийство озверевшим пьяным отцом всего своего семейства, случайное убийство Климовым пьяного вахмистра, ожидание наказания, бегство из-под стражи, скитание по Пруссии, встреча с королем Фридрихом, помилование, австрийский плен, откуда, дождавшись удобного случая, герой начинает свое «долгое странствование» в Россию. Очевидно, что за тридцать с лишним лет в Пруссии, а потом в Австрии с ним могли происходить не только печальные события, но Климов отбирает и описывает именно несчастные и даже ужасные эпизоды, подчиняя всю историю идее неотвратимости судьбы, в его случае несчастной.

Пересечение границы по возвращении героя в Россию изображается фактически как его второе рождение. По дороге он был схвачен польско-литовскими татарами, служившими в австрийской армии: «оныя татары, а лучше сказать, варвары, невзирая на мои просьбы, аки тираны, совлекли с меня весь мой мундир, да не довольно — и рубашку, и отобрав от меня все мои бедные деньги, бросили в один погреб голого, как происшедшего на свет из материнской утробы. <...> на другой день выведен я был из тюрьмы. И не дав мне из моих вещей ниже что малейшего, хоша б прикрыть свое голое тело, <...> велели идтить, куда я хочу» [Похождение прапорщика Климова 2011: 154–155]. В таком виде Климов добрался до русского поселения Гремзы, где некий мужичок снабдил его крестьянской одеждой. Климов не по своей воле, но, тем не менее, освобождается от атрибутов чужого мира (даже одежды), но свой истинный облик — русского дворянина — вновь обретает только оказавшись на территории Российской империи: «дан мне был паспорт для проезда в Россию, в мое отечество, с награждением прапорщичьим чином, на дорогу деньгами также. Притом был одет, как принадлежит офицеру» [Похождение прапорщика Климова 2011: 158–159].

Самое удивительное событие по возвращении в Россию происходит с Климовым в Полоцке: случайно на улице Климова останавливает офицер: «Я <...> дал ему в руки [паспорт] <...> и когда дошел до моего имени, на том пункте остановился. Глаза его наполнились слез, он долго не мог сказать мне ни единого слова. <...> “Кто был ваш батюшка?” — сказал он. <...> “Не было ли у вас еще братьев?” <...> “Как нет, — отвечивал я. Два брата и две сестры <...>”. — “А брата Александра не имели ли вы?” — “Точно, — сказал я. — Я его покинул еще четырех лет дома, да к тому же он есть мне сын крест-

ный <...>». Тут упал ко мне в беспамятстве на шею <...> только произнес те слова: “Я твой брат и сын крестный”» [Похождение прапорщика Климова 2011: 162–163]. Возвращение-возрождение Климова, являясь третьей — завершающей — частью циклической сюжетной схемы, очевидным образом совпадает с финалом притчи о блудном сыне: «Твой брат был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

Можно предположить, что сюжетной основой «Похождения» Климова послужила как очень продуктивная в плане порождения литературных сюжетов притча о блудном сыне, так и ее сюжетные вариации в русской литературе XVII века — «Повесть о Горе-Злосчастии» и «Повесть о Савве Грудцине». На такую мысль наводит очевидное сходство как тематики (скитания по чужим землям), так и некоторых эпизодов «Повестей» с «Похождением» Климова: Горе увещевает молодца стать нагим и босым и само предстает перед ним в таком виде, молодец переодевается из платья гостиного в гуньку кабацкую, а потом в порты крестьянские и в конце уходит в монастырь, Савва участвует в войне и также в конце уходит в монастырь. В «Похождении» Климова помимо сюжета о его приключениях есть вставной текст о жизни некоего «графа Пизы, бывшего пустынноком», который и рассказывает «приключения своей жизни» (во многом сходные с приключениями самого Климова), приведшие его к отшельничеству. В «Похождении прапорщика Климова» есть пересечения и с известными в XVIII веке произведениями зарубежной литературы. Так, Е.Д. Кукушкина отмечает, что «несколько эпизодов в мемуарах Климова перекликаются с сюжетами “Симплиссимуса”» [Кукушкина 2011: 196]. Существенно, что Державин, в чьих руках оказалось жизнеописание Климова, очевидно, почувствовав литературную природу этого текста, в его названии употребляет номинацию «похождение», а не «записки», как было принято для автобиографических повествований в XVIII веке.

Таким образом, можно отметить, что в отличие от предыдущей традиции автобиографического описания и Шаховским, и Климовым отчетливо артикулируется осмысление собственной жизни как движение от счастья к несчастью. При этом последним сюжетным положением у обоих, как в авантурных романах и древнерусских повестях, оказывается перемена от несчастья к счастью. Шаховской выстраивает сюжет по новому для автобиографии кумулятивному принципу — как последовательно сменяющие друг друга серии структурно однородных микросюжетов или сюжетных ситуаций, а Климов — по циклической модели (вынужденного оставления отечества и семьи — претерпевания несчастий на чужбине — возвращения). Мемуары Шаховского и Климова, по сути, представляют собой в наиболее чистом виде два возможных варианта перенесения

структуры сюжетов эпических жанров — кумулятивной и циклической — в мемуарное повествование. Беллетризация сюжета биографии предопределяется, на наш взгляд, наличием концептуального осмысления собственной жизненной истории у этих авторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бройтман С.Н. Историческая поэтика // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. М., 2004. Т. 2.
2. Елизаветина Г.Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 235–263.
3. Кукушкина Е.Д. Мемуары Алексея Климова как историческое свидетельство и литературный памятник // Похождение прапорщика Климова: (Мемуары XVIII века). СПб., 2011. С. 187–213.
4. Похождение прапорщика Климова // Похождение прапорщика Климова: (Мемуары XVIII века). СПб., 2011. С. 11–177.
5. Приказчикова Е.Е. Изображение монархов в русской мемуарной литературе XVIII века: в поисках образа идеального правителя // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 5. С. 119–128.
6. Рощина О.С., Фарафонова О.А. Специфика повествования о правителях в русских мемуарах 20-х — 70-х годов XVIII века // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 63–75.
7. Тамарченко Н.Д. Литература как продукт деятельности: Теоретическая поэтика // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 106–473.
8. Шаховской Я.П. Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М., 1998. С. 9–176.

REFERENCES

1. Broitman S.N. Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow: *Akademiya Publ.*, 2004, vol. 2. 368 p. (In Russ.)
2. Elizavetina G.G. Stanovlenie zhanrov avtobiografii i memuarov [The formation of genres of autobiography and memoirs]. *Russkiy i zapadno-evropeyskiy klassitsizm. Proza* [Russian and Western European classicism. Prose]. Moscow: *Nauka Publ.*, 1982, pp. 235–263. (In Russ.)
3. Kukushkina E.D. Memuary Aleksey Klimova kak istoricheskoe svidetel'stvo i literaturnyi pamyatnik [Memoirs of Alexey Klimov as a historical evidence and literary monument]. *Pokhozhdenie praporshchika Klimova: (Memuary XVIII veka)* [The Adventure of Ensign Klimov: (Memoirs of the XVIII century)], Saint Petersburg: *Pushkinskii dom Publ.*, 2011, pp. 187–213. (In Russ.)
4. Pokhozhdenie praporshchika Klimova [The Adventure of Ensign Klimov]. *Pokhozhdenie praporshchika Klimova: (Memuary XVIII veka)* [The Adventure of Ensign Klimov: (Memoirs of the XVIII century)], Saint Petersburg: *Pushkinskii dom Publ.*, 2011, pp.11–177. (In Russ.)
5. Prikazchikova E.E. Izobrazhenie monarkhov v russkoy memuarnoy literature XVIII veka: v poiskakh obraza ideal'nogo pravitelya [The image of monarchs in Russian memoir literature of the XVIII century: in search of the image of the ideal ruler]. *Gumanitarnyy vektor* [Humanitarian vector]. 2019, vol. 14, no. 5, pp. 119–128. (In Russ.) doi:10.21209/1996-7853-2019-14-5-119-128.
6. Roshchina O.S., Farafonova O.A. Spetsifika povestvovaniya o pravitelyakh v russkikh memuarakh 20-kh — 70-kh godov XVIII veka [The specifics of the narrative about

the rulers in Russian memoirs 20s — 70s of the XVIII century]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2020, no. 4, pp. 63–75. (In Russ.) doi: 10.17223/18137083/73/4.

7. Tamarchenko N.D. Literatura kak produkt deyatel'nosti: Teoreticheskaya poetika [Literature as a product of Activity: Theoretical Poetics]. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow: *Akademiya Publ.*, 2004, vol. 1, pp. 106–473. (In Russ.)
8. Shakhovskoy Ya.P. Zapiski [Notes]. *Imperiya posle Petra. 1725–1765* [Empire after Peter. 1725–1765]. Moscow: *Fond Sergeya Dubova Publ.*, 1998, pp. 9–176. (In Russ.)

Поступила в редакцию 20.05.2022

Принята к публикации 15.04.2023

Отредактирована 10.05.2023

Received 20.05.2022

Accepted 15.04.2023

Revised 10.05.2023

ОБ АВТОРАХ

Рощина Ольга Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета; roschina67@mail.ru

Фарафонова Оксана Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета; oxana.faroks@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Olga Roshchina — Ph. D., Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Literature Teaching Methods, Novosibirsk State Pedagogical University; roschina67@mail.ru

Oksana Farafonova — Ph. D., Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Literature Teaching Methods, Novosibirsk State Pedagogical University; oxana.faroks@yandex.ru